

Освальд широким шагом шел вперед, неся на руках маленькую девочку. На ходу он бросил идущему рядом камердинеру:

— Найди в моем кабинете Имперский кодекс, приготовь бумагу и чернила. Пусть господин Фассбиндер переписывает его под твоим присмотром. Все разделы, касающиеся придворного этикета и власти императора, он должен переписать пятьдесят раз. Ни единого слова не упускать.

У Кевина потемнело в глазах. Этот кодекс был настолько увесистым, что им можно было пришибить быка.

Похоже, прошлые слова о том, что ему нужно заново обучиться хорошим манерам, вовсе не были шуткой... Твоя матушка вообще в курсе, что у тебя такая хорошая память?!

* * *

Кевин неохотно последовал за камердинером по длинному коридору и остановился перед тяжелой медной дверью.

— Не стой столбом у дверей, живо за дело. Я позже приду проверить, — бросил Освальд.

Кевин подумал: «Тебе что, спать не надо?»

Но Освальд больше не обращал на него внимания. Сказав это, он с бесстрастным лицом обошел его и, молча неся девочку на руках, свернул в боковой коридор. Вскоре из-за поворота донесся легкий скрип открываемой двери.

Камердинер открыл медную дверь и сделал Кевину приглашающий жест. Кевин обреченно покачал головой и вошел следом за ним.

Кабинет был обставлен с особым шиком. У трех стен высились тяжелые медные шкафы, уходившие под самый потолок. Каждый из них ломился от массивных томов и стопок пергаментных свитков. Они стояли плотными, ровными рядами, в роскошных переплетах — и по ним сразу было видно, что их ни разу не открывали.

Сплошная бутафория для солидности!

По-настоящему нужными были лишь те книги, что лежали стопкой на столе — по ним было заметно, что их часто перелистывают.

Кевин подозревал, что камердинер ориентировался в этих шкафах лучше самого Освальда. Юноша бросил беглый взгляд на полки, быстро достал Имперский кодекс, который был толще кирпича, почтительно положил его на стол, подготовил бумагу и письменные принадлежности, после чего молча удалился за дверь.

— Этикет и императорская власть... — вздохнул Кевин. Он сел за стол и раскрыл кодекс.

От одного взгляда на оглавление у Кевина все внутри сжалось: в этих двух разделах было не меньше сотни страниц. Если переписывать их пятьдесят раз, то он закончит только к следующему году. Подперев подбородок рукой, Кевин лениво перелистнул несколько страниц и с громким хлопком закрыл книгу.

Дураков нет.

Подхватив увесистый фолиант, он вышел из кабинета и свернул в боковой коридор.

Дверь первой комнаты слева была приоткрыта. Из нее лился мягкий желтый свет лампы и доносился низкий голос Освальда:

— ...Бог поднял золотой лук и стрелами, выкованными из света, пригвоздил бунтовщиков к божественным столпам. Кровь лилась рекой, нежить... Фассбиндер? Что ты здесь делаешь?

Кевин опустил уже занесенную для стука руку и ответил:

— Пришел обсудить с вами одно дело, Ваше Величество.

— Входи, — отозвался Освальд.

Переступив порог, Кевин увидел, что Освальд сидит на краю кровати с книгой в руках, которая толщиной едва ли уступала кодексу. Прелестная малышка лежала под одеялом и вовсю таращила свои темные круглые глазенки, с любопытством разглядывая гостя.

— Это?.. — Кевин удивленно приподнял бровь.

— Дядя Ос читает мне сказку на ночь! — тут же опередила его девочка.

Видимо, ей было трудно полностью выговаривать имя Освальда, поэтому она сократила его до короткого прозвища.

— Дядя? — удивился Кевин.

— Угу, — буркнул Освальд. По какой-то причине ему не хотелось развивать эту тему, поэтому он ответил сухо и сразу перевел разговор. Очевидно, находя неловким то, что его застали за чтением сказок, он с раздражением посмотрел на девочку: — Ты что, опять разгулялась? Спать думаешь вообще?

Малышка тут же зевнула, подыгрывая ему:

— Ой, мне уже хочется спать.

Освальд промолчал.

Кевин подошел ближе и скользнул взглядом по обложке книги в руках императора.

— Канон Богов? И какую же главу ты читаешь?

— Ту, где Бог Света Фаэ громит мятежников, — небрежно бросил Освальд.

Кевин опешил, а затем смерил его сложным, непередаваемым взглядом.

— Что ты так смотришь? — Освальд вскинул глаза.

Кевин бросил сочувственный взгляд на девочку:

— Если мне не изменяет память, вторая половина этой истории жуткая и кровавая, повсюду горы трупов и реки крови. Ты ее усыпляешь или запугивать до смерти пытаешься?

— Из всех древних богов он единственный толковый, о ком еще читать? — хмыкнул Освальд. —

К тому же эта битва была выиграна стремительно и решительно, он спас бесчисленное множество жизней. Дети должны слушать истории о героях, чтобы ничего не бояться.

Зарывшись в одеяло, девочка поспешила поддержать его:

— Дядя Ос больше всех любит Бога Света Фаэ! Он читает мне эту историю уже целый год, я ее наизусть знаю и совсем не боюсь!

Освальд промолчал.

Кевин тоже промолчал.

Молодой и красивый император в конце концов не выдержал. Встретив взгляд Кевина, полный немого укора — мол, ну ты и чудовище, — он от смущения и злости швырнул книгу, с мрачным видом подошел к дверям и процедил:

— Так что тебе нужно? Будешь и дальше так на меня пялиться, я прикажу страже утащить тебя на крепостную стену и подвесить там на всю ночь.

— Да я просто хотел сказать, что переписывать кодекс — это пустая трата бумаги и чернил. Совершенно невыгодно. Давай найдем компромисс: я буду читать его тебе вслух? — Кевин постучал костяшками пальцев по обложке свода законов и элегантно улыбнулся: — Считай это сказкой на ночь.

Освальд какое-то время безучастно смотрел на него, затем указал пальцем на дверь и лаконично отрезал:

— Размечтался. Вон.

Кевин цыкнул языком:

— Знаешь, я вдруг заскучал по тебе десятилетней давности.

— Это еще почему? — нахмурился Освальд.

— Тогда тебя можно было просто взять и поколотить.

Освальд промолчал.

В итоге наказание господина Кевина Фассбиндера выросло с пятидесяти раз до ста.

А молодой император чуть было не лишился сна.

Слишком уж много потрясений выпало на эти дни: опасные приключения, внезапное возвращение Кевина, который «умер много лет назад», и то, что этот негодяй, обожавший изводить его в детстве, занимается тем же самым и сейчас. Трудно сказать, что именно выбило его из колеи сильнее. В любом случае, Освальд еще очень долго лежал, уставившись в балдахин над кроватью, без малейшего намека на сонливость, и провалился в беспокойный сон лишь под самое утро.

И даже за этот короткий промежуток времени ему успел присниться Кевин.

Весна в старом поместье Семьи Парсон была по-своему прекрасна. В глубине сада росло раскидистое широколистное дерево, чья исполинская крона полностью укрывала чайный

столик, пропуская лишь редкие, мягкие солнечные лучи. Свежие ягоды свисали сквозь прутья ограды, маня своим сочным ярко-красным цветом — хотя их неизменно ждала участь быть оборванными дочиста.

И главным губителем этих ягод был именно Освальд.

Ему попросту больше нечем было заняться, кроме чтения книг и истребления садовой флоры.

Восьмилетний младший господин из старого поместья Семьи Парсон — нелюдимый и капризный ребенок. Так втихомолку судачили немногие оставшиеся в усадьбе слуги. На самом деле они почти не пересекались с Освальдом. Помимо повседневных обязанностей вроде подготовки и уборки комнат, они старались лишний раз не попадаться ему на глаза.

Не с кем поиграть, нельзя выходить на улицу — этих двух запретов было достаточно, чтобы свести с ума любого восьмилетнего мальчишку. К тому же он находился в положении фактически брошенного ребенка: Семья Парсон уже давно перебралась в новое поместье, где жили его отец и трое старших братьев, лиц которых он даже не помнил.

Все, что они оставили Освальду, — это старый обветшалый дом, несколько бестолковых слуг и вечно хмурый старый дворецкий Иен.

Иен обожал придирается к мелочам. Его раздражало буквально все: нерасправленные кисти на шторах, несимметрично расставленные тарелки, слегка скосившаяся скатерть. Но сильнее всего его раздражал Освальд, потому что в поведении этого несносного ребенка не было ни капли приличия.

Хоть он и звался дворецким, на деле Иен больше походил на застенчивого и придиристого наставника. Главной целью своей жизни он видел то, чтобы вышколить Освальда с головы до пят и втиснуть его в рамки строгих приличий.

Из-за нездоровой обстановки Освальд повзрослел слишком рано и быстро взбунтовался. Возможно, сработал инстинкт: чем сильнее брыкаешься, тем проще привлечь к себе внимание. Вот только внимания старших членов семьи он так и не добился, зато приковал к себе внимание Кевина, который взялся за его воспитание.

Кевина нанял Иен, поскольку придиристый старый дворецкий понял, что с восьмилетним упрямым ему в одиночку уже не справиться.

— Привет, малыш. Я Кевин Фассбиндер, и с сегодняшнего дня буду обучать тебя фехтованию и рукопашному бою, — вот что сказал Кевин, когда впервые предстал перед Освальдом.

Тогда Кевину на вид было лет семнадцать-восемнадцать, он находился на стыке юности и зрелости. Одетый в форменные брюки и куртку резервного корпуса, подтянутый и стройный, он походил на убранный в ножны армейский клинок.

И хотя этот «клинок» сидел за чайным столиком, закинув ногу на ногу и непринужденно уплетая хрустящее печенье, нельзя было отрицать: первое впечатление он произвел на Освальда самое лучшее.